

Вступительное слово

Роман Марии Омар — очень личная книга. Не потому, что Мария рассказывает об истории нескольких поколений своей семьи, а потому, что, читая её, невольно погружаешься в своё прошлое. Как при чтении книг Ханса Фаллады или Джеральда Даррелла, в героях романа начинают вдруг узнаваться друзья и родственники, рассказанные истории пробуждают детские полузабытые воспоминания и над забавными происшествиями из книги смеёшься так, будто они услышаны за столом в кругу твоей собственной семьи.

Мария повествует о людях — об их отношениях, о радостях и горестях, об испытаниях, выпавших на их долю. Эти люди рождаются, влюбляются, ссорятся, работают, умирают. А за судьбами этих людей мы видим, как меняется время, как одна эпоха сменяет другую. И удивительным образом в какой-то момент приходит понимание, что смена эпох, политических режимов, валюты и прочие глобальные, казалось бы, изменения — это мелочи. Для человека куда важнее и значимее потеря коровы, письмо от ушедшего в армию сына, свадьба дочери, рождение внучки...

Такие книги, на мой взгляд, позволяют вспомнить (а кому-то и увидеть), что вокруг нас такие же люди, как и мы сами. Люди, за которыми стоит их долгий, уходящий в бесконечность род. И очень возможно, что там, в прошлом, наши прадедушки и прабабушки, дедушки и бабушки, отцы и матери вместе работали, воевали, помогали друг другу выживать в тяжёлые времена, плакали и смеялись по одним и тем же поводам. А значит, и мы не чужие друг другу.

Замечательная семейная сага, которую стоит прочитать.

*Илья Одегов, писатель,
создатель литературной школы «Литпрактикум»,
лауреат нескольких литературных премий*

Часть I

Ақбалжан

Глава 1

Одна

В конце лета 1914 года, когда степь выгорела и стала колкой, в ауле Кос-Истек¹ в семье Ишинияза-агая и Акжанай-апай родилась дочь. Назвали её Акбалжан, что в переводе с казахского означает «душа светлая, как мёд».

Её братья и сёстры не доживали до сорока дней, когда младенцам состригают первые волосы и поливают водой из серебряной посуды. В семьях, где дети часто умирали, что только не придумывали, чтобы удержать их на этом свете, — отдавали на воспитание родственникам, нарекали русскими или странными именами, обрубали пуповину топором. Мать, нося ребёнка под сердцем, пообещала себе: если сможет его сохранить, будет молиться с утра до ночи.

Эта женщина бледнела, шепча защитные слова всякий раз, когда кто-то восхищался красотой её дочери. Вплетала в косы Акбалжан монеты, чтобы звоном отпугивать коварных джиннов и уберечь от дурного глаза. Умывала солёной водой и жгла сухой адыраспан². Давала вдыхать убаюкивающий аромат священной травы. Растирала обгоревшие ветки в ладонях и пальцем дотрагивалась до лба и щёк дочери, оставляя едва заметные следы сажи.

Когда Акбалжан исполнилось семь, умер её отец, немолодой мужчина в белой чалме. Что с ним случилось, Акбалжан не знала. Мать плакала беззвучно, родственники молча склоняли головы и выходили. С потерей хозяина дом покинули не только громкие звуки и смех. Больше никто не угощал Акбалжан сладким куртом³, не улыбался, не просил спеть

¹ Кос-Истек (каз. Қос-Естек) — село в Актюбинской области Казахстана.

² Адыраспан (гармала обыкновенная, степная рута) — травянистое растение, в высушеннном виде используется у азиатских народов для окуривания помещений, изгнания злых духов.

³ Курт (каз. құрт) — сухой кисломолочный продукт в виде твёрдых комочеков округлой или удлинённой формы, обычно кисло-солёный на вкус, изредка сладкий.

песню. Только мать по-прежнему гладила её по волосам и рассказывала на ночь сказки.

Акбалжан было шестнадцать, когда мать заболела. Она тряслась в ознобе, не переставая молиться, чтобы не угас их род. В один из холодных февральских вечеров матери стало легче. Она попросила Акбалжан причесать её, умыть. Прошептала слова благословения. Под утро застонала, схватила дочь за руку, протяжно выдохнула и предстала перед Всевышним.

Сидя у остывающего тела, Акбалжан прижимала к груди материнский платок. Пришла пожилая соседка. Помогла подняться, отвела подальше. Нагрела воду на печи и приступила к омовению.

В доме собирались люди. Акбалжан открывала рот, но не могла произнести ни слова из поминальной песни *жоқтау*. Всё вокруг колыхалось в белой дымке. Дымка окутывала и убаюкивала. Как обрывки снов, мелькали картинки. Вот уводят молодого соседа, и женщина рыдает вслед, опустившись на землю, её платок спадает с чёрных волос. Мать неслышно молится. Серый от пыли мальчишка обгладывает кости, лежащие на дороге. Мать обрывает листья полыни, заливает кипятком, и они с Акбалжан пьют горький настой.

Картины царапали душу, но тут же прятались, стоило Акбалжан всмотреться в них. Сосало под ложечкой и хотелось подержать во рту кусочек хлеба, смакуя до сладости.

Почувствовав резкий запах гвоздики и услышав потрескивание — семена прокаливали на огне для прощального обряда, — Акбалжан будто очнулась. Увидела, как мать обирают в белый саван. Захотелось ещё раз взять её за тонкую руку, но тело уже укрыли под складками ткани.

После скорых похорон родня решила отдать красавицу-сироту замуж за сына Омирбая-агая из соседнего аула. С ним ей хотя бы не грозил голод.

Глава 2

Чужаки

Семья, в которую попала Акбалжан, жила в саманном домике на краю аула. Омирбай, сухой, высокий старик, двигался быстро для своего возраста. Когда он шёл навстречу, люди невольно сторонились, уступая дорогу. Жена Омирбая, Газиза, юркая и словоохотливая, наперёд догадывалась, когда подать что-то мужу или отойти. Их младшая дочь Айша была белокожей и шустрой — в мать. Сын Жангир — крупный, скучающий, неловкий в движениях и разговорах.

Семейная жизнь для него началась по воле родителей. Пусть сноха — сирота, зато шустрая, работящая, рассудили они. С такой не пропадёшь, может, отучит сына от дурных привычек.

Акбалжан ещё не отошла от голода, как забеременела. Первенец родился слабым, прожил неделю и умер. У неё и молоко не успело прийти. И глаза остались сухими. Только стала добавлять имя ребёнка в молитвы, когда поминала отца и мать.

Следующую беременность ждала долго. Старики не препрекали — кругом каждый день умирали от голода и болезней. Дочери-подростку Омирбай запретил выходить из дома одной. Круглощёкая Айша выделялась среди истощённых детей. Вон у родственников девочка пошла за водой и пропала.

Зато в семье соседа Сергазы достатка не скрывали. В годы, когда аул стонал и проклинал новую власть, в их сарае становилось всё теснее.

— Добрые мы люди, вот к нам добро и идёт, — приговаривал Сергазы, приглаживая бороду. — Скот плодится, три овцы по двойне принесли.

Омирбай вглядывался ему в глаза. Сын Сергазы, Аман, стал коммунистом и каким-то начальником. Приезжал из райцентра с красноармейцами проверять баев. Смешно

сказать — баев! От былого богатства после бесконечных по-громов у людей ничего не осталось. Сергазы подсказывал Омирбаю, когда нагрянут с проверкой. Тот прятал скот и от-плачивал соседу баранами.

В этот день Сергазы предупредил его поздно.

— Жангир! — закричал Омирбай сыну. — Отгони скот в овраг. Да быстрее! Одного барана оставь. Если совсем не-чего будет взять, обозлятся, *бейшаралар*¹.

Он забежал в дом, огляделся. Большая часть украшений жены и монеты давно закопаны в степи.

— Где девочки? — крикнул Газизе.

— Пошли собирать вишню на холме, — ахнула она и осеклась, зажав рот ладонью.

— Я же сказал, из дома не выходить! — Омирбай хлест-нул плёткой по сапогу.

Он торопливо залез на крышу и увидел Акбалжан и Айшу, подбегающих к дому. Жангир успел скрыться в балке. С другой стороны пылили кони — приближались красные.

Прижавшись к крыше, Омирбай смотрел, как пришлые обходят дворы и сгоняют скот в середину аула. Блеяли ба-раны, кричали женщины, плакали дети.

Трое вооружённых мужчин в форме повернули к его дому. Омирбай слез с крыши и сел у порога, сжимая камчу. Выглянула жена, зашептала горячо:

— Я девочек золой намазала, скажи, что болеют. В сосед-нем ауле дочку муллы, красавицу, забрали. Спрячь камчу, не надо их злить!

Омирбай сверкнул глазами, Газиза скрылась. Он бросил камчу за юрту.

Первым шёл сын Сергазы, кудрявый Аман. За ним — двое русоволосых солдат. Аман едва заметно кивнул Омирбаю и указал солдатам на сарай. Сам повернулся к дому. Хозяин

¹ Нищеброды (каз.).

преградил ему путь. Аман угрожающе глянул на него и положил ладонь на ружье.

— Дочки болеют. Не заходи, — хрипло проговорил Омирбай.

Аман отодвинул его и вошёл. Омирбай шагнул следом.

Газиза начала всхлипывать.

— Что с ними? — Аман кивнул на закутанных в лохмотья девушек, лежащих на полу у печки.

— Язвы на коже. Плохая болезнь, заразная!

Аман приоткрыл ткань с лица Айши и встретился с отчаянным взглядом тёмных глаз.

— Не похоже, что больна, — усмехнулся он.

Газиза упала ему в ноги.

— Сыночка, ты же сосед наш.

— Ладно, апай, встаньте, — поморщился он и вышел.

Солдаты потащили барака к месту, где собирали скот.

Аман подождал, пока они отошли, и повернулся к Омирбаю.

— Подрастёт ваша дочка — женюсь. Корову оставьте, а коня завтра отцу отведёшь. Слишком опасно сейчас лошадей держать.

— Спасибо, сынок, — закивала Газиза, прикрывая собой Омирбая, в глазах которого полыхнул огонь.

Несколько лет назад Аман сватался к их старшей дочери. Тогда Омирбай был ещё в силе и отказал, выдав её за достойного человека.

Аул стих только к вечеру. Омирбай долго сидел на пне у дома. Жангир пригнал скот. Газиза несколько раз позвала есть. Омирбай, постукивая по колену рукояткой камчи, не отрываясь смотрел на свои стоптанные сапоги. Только когда дочь тронула его за плечо, вздрогнул, повернулся голову, отвёл взгляд, сжал её руку и поднялся.

Глава 3

Напутствие

Вечерами в доме Сергазы собирались мужчины — поиграть да выпить. Не всякий мог сюда попасть, только те, кому было что проигрывать. Сергазы стал большим человеком в ауле. Это раньше его никто не уважал, а теперь с ним пил сорпу¹ сам председатель.

Жангир захаживал к соседям давно. Проиграв припрятанные монеты, выкопал и стал таскать украшения матери.

— Позорище нашу семью! — кричал отец. — Поддался красной заразе! Предки переворачиваются в могиле от такого бесстыдства! Ладно у Сергазы в роду одни конокрады, а у нас люди уважаемые!

Пытался Омирбай возвратить и к совести мордастого Сергазы. После разговора с ним махнул на всё рукой. Когда видел сына пьяным, за дастархан² с ним садиться отказывался. Хлопая дверью, выходил на улицу.

Газиза боялась, что, лишившись отцовского благословения, Жангир совсем погубит себя. От постоянных переживаний начала болеть, слегла. Слабым голосом молила Омирбая, чтобы отдал Айшу замуж за Амана, если тот посватается.

— Это ведь соседи спасли нас от голодной смерти! Мы не вечны, а на Жангира надежды нет... Кому оставим нашу Айшу? А муж жену всегда защитит.

Айша при таких разговорах краснела и хваталась за шитьё. Омирбай кривил рот. Говорил, что не хочет видеть зятем сына богача с чёрным казаном³. Но перед смертью Газиза всё же добилась от него обещания. Как только Айше исполнилось семнадцать лет, Аман сосватал её и увёз в райцентр.

¹ Суп, бульон (каз.).

² В Центральной Азии, а также у некоторых других народов Востока: скатерь, используемая во время трапез; низкий сервированный стол.

³ Казахское выражение қара қазан бай означает «быстро и не всегда праведным путём разбогатевшего человека». Аналог идиомы «из грязи в князи».

Газиза не дождалась ни детей Айши, ни дочь Жангир — Райсу. Большеиглазая смуглая девочка, явившись на свет, закричала сразу, пронзительно. У груди притихла — молока у Акбалжан теперь хватало.

Омирбай довольно цокал языкком, когда внучка впервые схватила его за палец, начала лопотать, пошла, опираясь руками о стенку. Акбалжан перестала его бояться, вечерами они вдвоём долго пили чай и разговаривали.

Встречая мужа с работы, Акбалжан накрывала дастархан на полу. Пухленьякая Райса лезла на руки к отцу. Если дочь плакала, Жангир, морщась, отдавал её жене. Когда малышка спала, нюхал мягкое ушко и поспешно отходил, будто устыдившись нечаянной нежности.

Омирбай умер через год после Газизы. За день до того, как схватиться за сердце и упасть на пороге родного дома, он подошёл к Акбалжан. Та, уложив дочку, штопала мужнины штаны. Свёкор протянул ей тяжёлую серебряную монету с дырочкой.

— Когда-нибудь повесишь себе на косы. Прости, дочка, это всё, что могу дать.

— Рақмет! — Поблагодарив, Акбалжан взяла монетку, провела по ней пальцем — гладкая, со слегка поплывшим рисунком, видно, плавили, чтобы продырявить.

— Ты не получила, чего заслуживаешь, — вздохнул Омирбай. — Раньше ходила бы в золоте и серебре, как моя Газиза в молодости. Видит Аллах, не был я скупым, не обижал её сильно, но и хорошего что она видела? — Он отёр лоб ладонью. Хотя в доме было прохладно, вспотел. — Рожала детей и переживала всё время. Я хотел сына, а у нас дочки да дочки. Когда Жангир родился, я на весь аул пальбу устроил от радости.

Акбалжан улыбнулась.

— Раньше я ничего не боялся! А в первый раз знаешь, когда страх почуял? — Омирбай замолчал и начал что-то разглядывать в окне. Акбалжан обернулась — во дворе стояла развалившаяся печь с зияющей дырой сверху. — Когда

младшая родилась, Айша. Мы думали, Жангир последним будет, родили его поздно. А тут она. Не успели нарадоваться, началось — голод, набеги. Ай, Аллах, сколько людей ни за что погибло! Даже казан с печи, и тот унесли, паскуды. Вот тогда я начал бояться — за дочку, за жену, а потом и за тебя.

Омирбай хотел ещё что-то сказать, но тут закряхтел ребёнок. Старик подошёл к колыбели, покачал, пока внутика не затихла. Потом молча вышел. Акбалжан отложила шитьё, спрятала монету во внутренний карман кажекея¹ и пошла готовить.

Глава 4

Без кормилицы

В 1939 году Акбалжан родила сына Куантая.

Красноармейцы в аул давно не приезжали. Забирать у аульчан было нечего. Корову теперь держали прямо в доме. Это к сараю Сергазы близко никто не подходил, а у них просто увеличили бы. За работу Жангир почти ничего не получал, осенью выдавали немного проросшего гнилого зерна и трухлявой соломы.

— Как подачку, чтобы не подохли, — бормотал он.

Акбалжан, раскапывая снег, искала для коровы пожухшие стебли. Иногда и Жангир удавалось утащить казённого сена. Весной наконец появилась трава и молока у коровы прибавилось.

По утрам и вечерам Акбалжан усаживалась за дойку. Из кувшина подмывала розовое вымя с белёсым пушком. Подоив, обнимала тощую кормилицу, та в ответ по-человечески вздыхала.

¹ Национальный казахский лёгкий жилет (камзол) с широким вырезом и без рукавов.

Акбалжан наливалась парное молоко Райсе и смотрела, как она пьёт: с аппетитом, причмокивая. Вытирала ротик дочери. Делала маленькие глотки сама. Остаток молока кипятила на огне.

После смерти отца Жангир стал ходить к соседям чаще. Играли в долг. Возвращался за полночь. Если выигрывал, утром на угрюмом лице мелькало подобие улыбки, в глазах плясали дикие огоньки. Он брал Райсу на руки, подбрасывал. Проигравшись, тяжело дышал, стучал кулаком по столу. Акбалжан отводила детей и помалкивала. Он хозяин. Еда есть — и ладно.

В первые годы замужества переживала: чем не угодила, что Жангир не торопится домой? Свекровь поучала:

— Как пришёл муж, беги встречай, снимай сапоги да подноси молоко. Улыбайся, не надо показывать недовольство. Покажи, что он главный, и мужчина сделает всё что захочешь.

Акбалжан смотрела, как Жангир, кряхтя, снимает обувь. Молча подавала воду. Потом и вовсе стала ложиться спать, не дожидаясь его. Без мужа дышалось свободнее. Никто не ходил с мрачным взглядом, можно было петь во весь голос, смеяться, рассказывать детям сказки. При нём язык застыпал. Однажды распелась, заметила, что он слушает, покрепчнулась и замолчала. И дети при отце утихали.

В тот вечер она, как обычно, сидела на застеленных нарах сәкі. Райса примостилась рядом, уцепившись пальчиками за руку матери. На вытянутые ноги Акбалжан уложила подушку в рост Куантая, сверху — сына. Гладила его пяточки, качала и негромко пела. Звуки выходили лёгкие и чистые, а думы внутри тяжелели размокшей шерстью, которую хочется отжать, высушить и очистить от колючек. Интересно, все так живут? Как чужие. Мать столько легенд о влюблённых рассказывала. Неужели это выдумка?

Незаметно для себя задремала, а разбудил её звук шагов. Вспыхнул свет керосиновой лампы. Акбалжан переложила

сына в колыбель и, прищурившись, наблюдала за мужем. Не сняв сапог, он зачерпнул ковшом воду из ведра и стал пить, часто дыша между глотками. Быстро подошёл к лежащей корове, отвязал верёвку. Грубо хлопнул ладонью по ребристому боку:

— Вставай!

Корова тяжело поднялась.

— Выходи, — толкнул её Жангир.

— Куда ты её? — вскочила Акбалжан.

— Не твоё дело, спи!

Снова проиграл в карты! Грудь обожгло. Только не корову!

— Не дам! — Акбалжан бросилась к мужу.

Куантай заплакал. Подбежала Райса, ухватилась за материнский подол. Акбалжан вцепилась в Жангира, но куда ей было с ним совладать. Он отшвырнул их, как кутят.

— О детях подумай! Что есть будут? — пыталась вразумить его Акбалжан.

— Молчи, женщина! Надо будет, и тебя отдам.

Он пнул корову и увёл её.

Акбалжан лежала на полу, подогнув под себя ноги. Руки тряслись, тело ослабело, словно из него вынули кости. Рядом всхлипывала Райса. Сынишка надрывался в колыбели.

— *Жат, қызыым*¹, — мать уложила Райсу и стала безучастно качать люльку с Куантаем.

Когда дети уснули, вышла на улицу. Долго глядела на звёздный ковш, что спустился совсем низко. Вдали замычала корова. Акбалжан дёрнулась было в ту сторону. Остановилась. Держась за косяк, медленно вошла в дом.

Умывшись, потрогала лицо. Легла. Знакомая дымка окутала её. Тонкими линиями затрапетал неясный образ в белой чалме. Она почувствовала отцовский взгляд.

Выдохнула. Села, обхватила колени. Когда за окном, затянутым бычьим пузырём, посветлело, поднялась и легонько

¹ Ложись, дочка (каз.).

tronула дочь. Райса во сне хмурила бровки. Вдруг резко встала, с немым вопросом посмотрела на мать. Та помогла дочке одеться, завернула сына в выцветший пуховый платок, и они торопливо вышли.

Глава 5

Проигравший

В ту ночь Жангир уснул у соседей. Утром его растолкали, и он понуро побрёл расчищать колхозную скотную базу. Ни с кем не разговаривал, только хмурился и отскребал навоз. Иногда ударял лопатой о землю.

Закончив работу, пошёл в дом к председателю. Сквозь деревянные колья увидел мужчин, торопливо разделывающих мясо во дворе. Рванул калитку.

Заметив вчерашнего соперника по игре, толстозадый Аблай, сын председателя, схватил окровавленный нож. Крикнул:

— Зачем пришёл?

Председатель, худощавый старик, забежал в дом.

— Я за своим, — глухо сказал Жангир.

— Твоего тут ничего нет, — недобро прищурился Аблай, а окружавшие его жигиты¹ загоготали.

Жангир шагнул к Аблаю, тот выставил нож. Жангир вцепился ему в запястья. Выкрутил нож, бросил в снег. Схватил за шиворот.

— Хоть половину отдай!

Жигиты переглянулись. Жангир был на голову выше любого из них.

Он размахнулся и ударил кулаком в лицо Аблая. Тот закрылся руками. Вокруг закричали. Кто-то всё же осмелился

¹ Парни, молодцы (каз.).

прыгнуть Жангир на спину, и тогда остальные накинулись на него. Жангир вывернулся, двинул самого резвого так, что тот отлетел и ударился о стену дома.

Когда выскочил с ружьём председатель, Аблай сидел на снегу, вытирая разбитые в кровь губы. Жангир стоял раздувая ноздри.

— Пристрелю, скотина! — крикнул старик.

Все замерли. Жангир прорычал:

— Только попадитесь мне на дороге — убью!

Пока вернулся домой, стемнело. Дёрнул дверь, не заметив, что она заперта снаружи на колышек. Вытащил палку, вошёл внутрь. Огляделся. Ударил кулаком о косяк.

— Никуда не денется, у неё никого нет, походит и придёт! — говорил он приятелям в доме Сергазы. Занюхивал водку рукавом, пропахшим навозом. Никто раньше не видел этого молчуна таким говорливым.

— Моего деда все знали, все! У него лошади табунами паслись. Он такой здоровый был, что съедал барана в один присест. А я кто? Да никто! За красным скотом смотрю! И не дай бог пропажа — посадят. А сегодня последнее потерял...

Когда явились люди в форме, Жангир только мычал. Его повязали и увезли в темноту на телеге.

В ту ночь снилась ему Акбалжан в золотистом платье. В косах у неё звенели серебряные украшения — шолпы, и она смеялась, улетая вдали. А он бежал за ней и не мог догнать.

Глава 6

Дорога в Каратау¹

Дед Оспангали, управляя лошадью, поглядывал на путников и едва заметно качал головой. Потом не выдержал:

— Ох, дочка, еду и думаю: вот старый глупец! Куда тебя с детишками везу? Оставлю одну в чужом kraю. А вдруг кто обидит? И муж твой узнает, спасибо не скажет.

Акбалжан молчала.

— Видел я много, — Оспангали вздохнул. — Другой бы тебя осудил: как это — женщина от мужа ушла? А я думаю, у каждого на лбу доля написана. Никто не угадает, что правильно, а что нет для другого. Ты, видно, хочешь писать судьбу сама. Хватит ли сил? — он внимательно посмотрел на неё.

Акбалжан отвела взгляд, кутаясь в тёплую фуфайку, хотя припекало солнце. Прижала губы к щеке спящего сына.

— Ладно, отвезу тебя в Каратау, — сказал Оспангали. — Там хорошие места, речка рядом, голодными не останетесь. И казахов много.

Акбалжан кивнула.

— Мама, куда мы едем? — потеребила её за руку Райса.

— Приедем — узнаешь!

Проезжая мимо родного Кос-Истека, Акбалжан сложила руки в молитве. Мысленно попросила родителей благословить её. Эх, что же там впереди?

Оспангали ездил в сторону Оренбурга² выменивать шкуры. Рассказывал соседям, что там уже нет такого страшного голода, как здесь. Случайно услышанные слова запали Акбалжан в душу, и в то утро она уговорила старика взять

¹ Посёлок в Кувандыкском районе Оренбургской области. Название переводится как «Чёрная ива» (каз. қара — «чёрная», тал/тала — «ива»).

² Хотя в 1940 году Оренбург официально именовался Чкалов, в народе его продолжали называть Оренбургом, по-казахски Орынбор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru